

Олег ДРЕБЕЗГОВ,
редактор телепрограммы «Алабуга»

Во благо радости страдайте

Ностальгически остро вспоминаются два запаха – запах сирени и типографской краски. Этим сочетанием несочетаемых, казалось бы, запахов и запомнилось мне начало работы в родной районке.

Приземистое здание редакции и типографии районной газеты «Заря коммунизма» горбатилось крышей в обрамлении тополей и зарослей сирени. Плечи мои ещё помнили тяжесть солдатских погон, когда я впервые переступил порог редакции. Тогда я и подумать не мог, что этот момент, этот миг в биографии поделит мою жизнь на две части, на две эпохи – догазетную и долгую, до сего дня, газетную, журналистскую. Случилось это в начале июня 1975 года.

Приходу моему в редакцию были несказанно рады. И не потому, что я подавал большие надежды. Работать в редакции было некому. Ведущие журналисты разошлись и разъехались. Кто-то сдавал государственные экзамены в кузнице журналистских кадров Приишимья – Ишимском педагогическом институте, кто-то болел или разводился. Обязанности редактора газеты временно исполнял бывший парторг совхоза. Из пишущей братии в штате оставались два человека – заведующий отделом партийной жизни и фотокорреспондент, которого почему-то называли комплексным. Потом только я узнал значение этого определения. Комплекс-

ными назывались обеды из трёх блюд. Вот и наш фотокорреспондент обладал тремя качествами – мог писать в газету, неплохо фотографировал и знал секретарское дело, то есть в любое время мог подменить ответственного секретаря редакции газеты.

Районка в ту пору выходила три раза в неделю. Процесс создания газеты походил на топку печи. Журналист приносил в секретариат материал, и он сгорал, как сгорает бумага в печи. Следующий номер газеты истово требовал «подкинуть дровец».

Сорвать график выхода газеты было смерти подобно. Случись такое, и полетели бы головы с плеч. И не только головы газетчиков, но и ответственных райкомовских начальников.

По этой причине газету заполняли не столько собственными материалами, сколько публикациями щедрой тёти Таси – так иронично, но ласково называли журналисты-районщики спецпослания телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС). Процентное соотношение своих и тассовских публикаций отражало положение дел в редакционных коллективах. Порой не качество, а количество написанных строк в газету являлось оценкой работы журналиста. По сей печальной причине в районках рублём приветствовалось строчкогонство. Известные строки из гимна советских журналистов «Трое суток шагать, трое суток не

спать ради нескольких строчек в газете» были не про нас. За такую работу журналиста-районщика выгнали бы с позором и треском. В каждый номер битый жизнью и начальством матёрый журналист сдавал по двести-триста строк и ещё имел про запас записи в потёртом блокноте. Человека, способного доходчиво излагать свои мысли на бумаге, редактора районки готовы были носить на руках. Но таких людей можно было пересчитать по пальцам одной руки. Специфика работы в районной газете не предполагала творчества. Писательского таланта от журналиста не требовалось. Нужно было излагать мысли о надоях молока, привесах животных, партийных собраниях, обыденных чаяниях деревенского люда. Причём излагать эти мысли следовало в оперативном порядке и каждый божий день.

Незабвенный наш заведующий отделом сельского хозяйства Василий Михайлович Широков громогласно заявлял, что он написал за свою жизнь больше Льва Толстого. «Больше, но не лучше», – не забывал добавлять он. Такой темп выдерживали отдельные прямо-таки легендарные люди.

Воистину живой легендой человека, пишущего о чём угодно и когда угодно, являлся Валерий Георгиевич Донец. Прошлого его для всех нас было туманным. Где он работал раньше и по какой причине увольнялся, он никогда не рас-

сказывал. Но знали мы, что в Москве у него проживала старенькая мама.

Валерий Георгиевич был из рода недоучившихся студентов. Доучивала его жизнь. Такие люди способны самообразовываться, а этот метод образования эффективнее академического. Вот и Валерий Георгиевич заткнул за пояс мог любого обладателя институтского диплома. Он по тем временам знал всё и мог подержать любой разговор о книге, столичном театре, философском направлении и так далее. Внешне он походил на Чернышевского до каторги и ссылки. Густые чёрные волосы до плеч распались по пробору, и он закидывал их назад. Сквозь очки с толстыми линзами на собеседника глядели, прожигая насквозь, угольки зрачков. У Донца мы собирались по вечерам. Единственная его комната от пола до потолка уставлена была книгами, в том числе и редчайшими.

Валерий Георгиевич, в отличие от нас, журналистскую профессию называл ремеслом. Он даже буквы на бумаге выводил округло, словно копейки рисовал.

– За этот репортаж, – говорил он, пробегая глазами по рукописи, – мне начислят два рубля и шестьдесят две копейки.

Донец владел всеми журналистскими жанрами, фотографировал, макетировал газету, знал бухгалтерское дело, писал сценарии мероприятий, проводимых в районном Доме культуры и библиотеках. И всегда мечтал открыть своё дело, не преступая закон. Уголовный кодекс Донец чтит свято. К сожалению, Валерий Георгиевич не дождал до ельцинских реформ.

Незаслуженно забыты в журналистской среде безымянные герои газетного дела, которые кочевали из одной районной га-

зеты в другую, подолгу в них не задерживаясь. Шутливо, но без издёвки называли мы их «каликами перехожими». Эта пишущая братия без определённого места жительства, как правило, дорабатывала до первой полочки и через неделю–другую (как позволяло здоровье) переезжала в соседний район, где «калик перехожих» уже поджидал редактор газеты, которая тоже находилась в состоянии кадровой дистрофии. Работали журналисты–странники как волы. Не успевали просохнуть чернила в книге приказов по редакции, а на стол машинистки уже ложились рукописи.

– Но вместо фамилий героев публикаций сплошные прочерки, – удивлённо тарасила глаза машинистка.

– Нужно проставит ответственный секретарь, – не отрываясь от листа с рукописью, ответствовали новоявленные работники. С улыбкой вспоминаются события подобного рода. Но ничто не исчезает и не появляется вновь, а переходит из одного состояния в другое.

– Жив курилка, – восклицаю я сегодня, наблюдая за тем, как мои молодые коллеги используют в своей работе компьютер. Они поступают по сути так же, как герои моего рассказа. Только сегодня это делается просто. Нажимаешь клавишу, и компьютер выдаёт текст на любую тему. Остаётся только проставить фамилию и имя героя.

Мне посчастливилось работать с теми, для кого газета, журналистика были главным и единственным делом в жизни. И свой рассказ я хотел бы начать с Ивана Филипповича Кнапика.

Так уж вышло, что одним годом обозначена у нас с ним в трудовых книжках дата прихода на работу в редакцию газеты «Заря коммуниз-

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ В ЛИЦАХ

С 2011 г. руководит Советом ветеранов Тюменского областного Союза журналистов. Автор, составитель, редактор десятка книг.

Награждена Почетной грамотой Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

ПОРОТНИКОВ

Владимир Степанович

(21.02.1962, д. Самохвалова Шатровского района Курганской области).

Окончил Тюменский государственный университет (1984).

В 1984–1986 гг. – корреспондент отдела писем Ярковской районной газеты «Знамя коммунизма» (в н. вр. «Ярковские известия») Тюменской области.

С 1988 г. – корреспондент многотиражной газеты «Трибуна монтажника» «Главсибкомплекстмонтажа» (г. Тюмень). С 1990 г. – заведующий отделом информации в Тюменской районной газете «Красное знамя». Публиковался в сборниках «Богандинский: время, события, люди» (2005), «Летопись Тюменской милиции» (2007), «Адреса Победы» (2010) и других.

Автор–составитель сборника «Тюменский район вчера и сегодня» (1993).

Член Союза журналистов России.

ПОРШНЕВ

Валерий Дмитриевич

(17.01.1949, с. Омутинское Тюменской области).

Образование среднее.

С 1971 г. – в Омутинской районной газете «Ленинское знамя» (в н. вр.

ма». В нашу размеренную жизнь он буквально ворвался как порывистый ветер. Но этот натиск не носил разрушительного характера. С Кнапиком мы стали учиться соизидать. Менялось буквально всё – стиль работы, отношение к будням и праздникам. Иван Филиппович поощрял любую добрую инициативу. Помнится, приложил я к тексту фотографию героя моей публикации, прикрепив её к листу скрепкой. Ответственный секретарь обычно тратил время на то, чтобы сверить фотографию с клише. А тут, как говорится, всё под рукой. Кнапик по этому незначительному событию, случаю провёл летучку, поставил меня в пример. Более тридцати лет прошло с той поры, многое позабылось, а этот редакционный эпизод запомнился.

С приходом Кнапика мы стали понимать, что труд наш, кроме прикладного характера, содержит в себе творческую составную. Он повёл нас за собой, заставляя участвовать в различных встречах с читателями, общественностью. Частыми гостями редакции становились руководители предприятий, специалисты, интересные люди.

Сценарий каждой такой встречи продумывался, в сухой, чисто профессиональный разговор вносились лирические моменты. Кто-то из нас читал стихи, посвящённые одному из участников встречи, кто-то пел задушевную песню, кто-то прокручивал плёнку диапозитива.

С Кнапиком связана целая эпоха заслуженного восхваления героев труда. Каждый рекорд в поле, на ферме в буквальном смысле слова воспевался на страницах районной газеты. Под редакторством Ивана Филипповича выходили в свет листовки, причём сразу же после установленного рекорда. Кнапик пестовал молодые кадры. Мы росли благодаря

его заботе. Причём рост этот происходил как бы исподволь. К примеру, Иван Филиппович заводил задушевный разговор о каком-то явлении, событии в жизни района, наблюдая за реакцией своего собеседника. Это было заметно по блеску его глаз из-под лохматых бровей. Если вслед за этим раздавалось его восторженное «ну, ну», можно было говорить о том, что на страницах газеты вот-вот появится новая тема. Дальше уже было, как говорится, дело техники. Составлялся творческий план, утверждался график выхода в свет материалов и так далее.

Непросто складывались судьбы моих коллег и давних моих товарищей. Рано ушли из жизни Василий Михайлович Широков, Владислав Анатольевич Алтухов, Анатолий Яковлевич Савельев. Каждого из них отличала особенная черта.

Василий Михайлович Широков, кроме творческого таланта, обладал ещё и невероятнейшей рассеянностью и детской доверчивостью. Писал он свои статьи и заметки, прочитывая каждое слово вслух. Со стороны казалось, что человек сходит с ума. Этот процесс сопровождался непрерывным курением сигарет. Дымное «облако в штанах» кряхтело, кашляло, проносило звуки. Когда редактор Кнапик курение в кабинетах запретил силой жесточайшего приказа, Широкову ничего другого не оставалось делать, как отрывать себя от своей рукописи и выходить из кабинета в коридор на перекур. Этим моментом пользовался некурящий и флегматичный, как удав, Толя Савельев. Он брал недописанный ширококовский листок и относительно похожим почерком продолжал писать за Василием Михайловичем, причём всякую околесицу, включая матюги. Вот, мол, я Широков, какую хренотень сочиняю, даже коровы колхозные

от смеха дойти перестают. Широков возвращался в кабинет и, не замечая савельевских дописок, продолжал, бурча себе под нос, писать о надоях, доярках и привесах. Рукопись относилась в машбюро, и вскоре ветхие стены редакции газеты сотрясал оглушительный хохот Любы-машинистки:

– Ой, не могу, ой, силушки у меня нет никакой, это что же опять такое написал Широков.

Братва обступала плотным кольцом машинистку, и начиналась громкая читка материала. Василий Михайлович Широков недоумевал, как сие могло произойти.

Толя Савельев, Анатолий Яковлевич Савельев, мог бы блестяще защитить диссертацию по творчеству Некрасова и вообще отечественной литературе девятнадцатого века. Панаевские мемуары Анатолий читал от строчки до строчки, не заглядывая в книгу. На консультацию к нему за советом, справкой приезжали маститые тюменские писатели. Анатолий Яковлевич умер, не дописав свой роман о деревне. По слогу, по содержанию эта неизданная книга могла бы прославить имя автора. Так говорят современные критики, но рукописи Савельева пылятся в архивах.

Нынешнее время, к сожалению, не выявляет в среде журналистов-районщиков ярких талантов. Может быть, будущее наделит нынешних моих коллег качествами, которые, как семя в почве, нуждаются в тепле и свете. В любви и в муках рождается мудрое слово. Созерцательное отношение к происходящему, холодное описание того, что происходит в нашей жизни, – не почва для человека, пишущего неравнодушно.

*О всякой радости страдаю,
Мне боль чужая как своя...*

Моё поколение понимает, о чём я говорю.